

никам столь важной формы воспитания. (20) А между тем речь шла о таком искусстве, которое — в той степени, в какой оно может быть преподано, — могло оказаться полезным не только для судебных выступлений, но, ничуть не меньше, и для всех других видов красноречия. Однако те софисты были намного хуже даже нынешних специалистов по спорам¹³. Эти последние, хотя и занимаются рассуждениями столь жалкого свойства, что любая попытка применить их на практике тотчас ввергла бы всякого в неисчислимые беды, все же обещают таким путем научить добродетели и целомудрию; те же, наоборот, хотя и призывали к занятию политическим красноречием, в действительности относились с полным пренебрежением к тому ценному, что присуще этому предмету, и становились учителями одной лишь проницательности и стяжательства¹⁴.

(21) Между тем всем, кто пожелал бы следовать предначертаниям этой философии, она могла бы помочь в достижении нравственного совершенства еще скорее, чем в овладении ораторским искусством. Разумеется, не надо думать, что я придерживаюсь того взгляда, будто бы справедливости можно научить¹⁵. Я считаю, что вообще нет никакого такого искусства, которое могло бы привить целомудрие и справедливость людям с плохими задатками к добродетели. Тем не менее я думаю, что занятие политическим красноречием более всего могло бы побудить человека к выработке в себе таких качеств.

(22) Однако, чтобы не показалось, что я только чужие обещания склонен опровергать, а сам выставляю утверждения столь же невероятные, я намерен — и думаю, что это будет нетрудно, — показать и другим те основания, вследствие которых я сам пришел к таким убеждениям.

(Конец речи не сохранился)

¹³ Т. е. эристиков, о которых уже говорилось выше (см. § 1—8).

¹⁴ Анализируя руководства по риторике, написанные в прежние времена, Аристотель также упрекает их авторов в том, что они все внимание уделяют судебным речам, совершенно игнорируя другой и более важный вид красноречия — выступления перед народом (Aristot., Rhet., I, 1, p. 1354 b 22 сл.).

¹⁵ Таким образом, Исократ придерживается совершенно иных взглядов, чем Сократ и Платон (ср. в особенности платоновский диалог «Протагор»).

XIV. ПЛАТЕЙСКАЯ РЕЧЬ *

Эта речь, как и другие политические речи Исократ, никогда не была произнесена. Это — брошюра в виде речи, вложенной в уста платейца, который выступает перед афинским народным собранием. В данном случае Исократ является публицистом, выражающим мнения антифивански настроенных афинян. Можно ли точно датировать это произведение? Согласно Ж. Матье, дата разрушения Платей фиванцами не может быть точно установлена (374/3 г. до н. э.). Мир, установленный в 374 г. в результате вмешательства персидского царя, длился между Спартой и Фивами до 371 г. до н. э., тогда как между Спартой и Афинами военные действия возобновились уже весной 373 г. Исократ, по его мнению, мог написать «Платейскую речь», когда мир был еще всеобщим ¹.

Далее Матье уже склоняется к мысли, что эта пропагандистская речь была написана в самом начале 371 г. перед конгрессом в Спарте, целью которого было установление всеобщего мира в Элладе.

Эд. Майер относил написание речи к 373 г.

ГИПОТЕСИС НЕИЗВЕСТНОГО ГРАММАТИКА

Относительно времени этой речи многие заблуждаются. Они спрашивают себя — насколько возможно, чтобы Исократ выступал в защиту граждан Платей, разрушение которых описано в III книге «Пелопоннесской войны» [Фукидида], тогда как Исократ жил много позже событий Пелопоннесских войн. Разрушение Платей произошло в <пятом> году Пелопоннесской войны, а вся война длилась 27 лет: таким образом <после Платей> еще 22 года; а затем еще 30 лет длилась власть лакедемонян. Следовательно, речь была произнесена за 52 года до времени Филиппа. В этом случае необходимо было бы признать, что Исократ произнес эту речь в возрасте трех лет, а это — невозможно. Вот почему некоторые говорят в ее защиту, что речь была произнесена в качестве упражнения на эту тему; но это неверно. На самом деле Платей были разрушены дважды: в первый раз — лакедемонянами в угоду фиванцам во время Пелопоннесской войны; затем, когда лакедемоняне воевали с фиванцами после Пелопоннесской войны, лакедемоняне одержали победу и, желая восстановить соседей, враждебных фиванцам, они восстановили Платей; затем позже фиванцы, одержав победу при Левктрах, снова разрушили Платей, которые вновь восстанавливает Филипп из-за враждебности к фиванцам. И вот после второго разрушения (города) платейцы приходят в Афины, желая восстановить свой город при помощи афинян, у которых они нашли убежище, как утверждает Аристид.

Таков сюжет. Основа речи фактическая, но не записанная.

* Перевод Н. Н. Залесского.

¹ Ср. Isocrate, Discours³, т. II. Texte établi et traduit par G. Mathieu, P., 1961, стр. 71.

Афиняне. Зная, что у вас вошло в обычай и терпящим несправедливость охотно помогать и благодетелям отвечать величайшей признательностью, мы намерены просить вас не допустить, чтобы фиванцы в мирное время подвергали нас разорению. Поскольку у вас уже многие находили убежище² и добивались всего того, в чем нуждались, мы полагаем, что вам следует проявить заботу и о нашем городе; (2) ведь вам не найти ни таких, кто бы претерпел более несправедливо столь великие беды, как мы, ни таких, кто с более давнего времени оставался бы более дружественно расположенным к вашему городу³. Вот при каких обстоятельствах и прибыли мы к вам с просьбой, в которой не таится никакой опасности; ведь все люди считают, что вы, уступая просьбам, бываете самыми благочестивыми и справедливыми из эллинов.

(3) Так вот, если бы мы не видели, что фиванцы всесторонне приготовились убеждать вас, будто они ничем не погрешили против нас, то мы бы ограничились более краткой речью, но поскольку мы дошли до такой беды, что нам предстоит состязание не только с самими фиванцами, но и с сильнейшими из ораторов, которых в качестве защитников они припасли себе за наш счет, то нам необходимо высказаться более пространно.

(4) Трудно сказать, что мы претерпели, надлежащим образом. В самом деле, какая речь может оказаться равной нашим несчастьям или какой оратор окажется достаточно сильным, чтобы обвинить фиванцев в их преступлениях? Тем не менее нам нужно попытаться сделать явным их беззаконие.

(5) Больше всего мы негодуем на то, что мы лишены возможности пользоваться правами, равными для прочих эллинов, так что в мирное время, после заключения договора⁴, мы не только не пользуемся общей для всех свободой, но даже не удостоились умеренного рабства.

(6) Итак, мы просим вас, афиняне, выслушать благосклонно нашу речь, обратив внимание на то, что с нами может случиться нечто совершенно немислимое, если бы оказались виновниками свободы для всегда враждебно расположенных к вашему городу, а мы, хотя и просим вас, не достигнем того же самого, чего достигнут ваши злейшие враги.

(7) Так вот, относительно уже случившегося, думаю, не нужно пространно говорить. Кто не знает, что они и землю нашу поделили и город наш разрушили? А какими речами они надеются вас обмануть, об этом я постараюсь поставить вас в известность.

(8) Иногда они пытаются говорить будто они выступают против нас из-за того, что мы не желаем иметь с ними общую казну. Но, прежде всего, подумайте, справедливо ли из-за таких обид подвергать нас такому беззаконному и страшному мщению, и затем, как вам кажется, подобает ли городу платейцев не по уговору⁵, а подвергшись насилию, иметь общую казну с фиванцами? Что же касается меня, то я полагаю, что не существует людей, более дерзких, чем те, которые разрушают города у каждого из нас и составляют нас, хотя мы и не просим их об этом, объединяться в их политике.

(9) Кроме того, представляется, что они добиваются от остальных и от нас не одного и того же. Ведь поскольку они не смогли убедить наш город, как феспийцев и танагриан⁶, то им следовало и нас только принудить платить дань Фивам, и тогда мы бы не претерпели никаких ужасных бед. Теперь же стало ясно, что они хотели добиться вовсе не этого, а желали захватить

² Ср. гл. 53; имеется в виду и легенда о Гераклидах, часто привлекаемая Исократом; ср. Ранг. 54 сл.

³ Союз Афин с Платеями засвидетельствован в 510 г. до н. э.; ср. Нег., VI, 108.

⁴ Имеется в виду непрочный мир 374 г. до н. э., который лишь подтвердил условия Анталкидова мира, согласно которым Платеи должны быть восстановлены, а платейцы — вступить в союз со Спартой.

⁵ Ср. Хел., Hell. VI, 3, 18—21.

⁶ Феспии и Танагра вошли в Беотийский союз как автономные города.

нашу землю. (10) Удивляюсь, на какое событие прошлого они опираются и каким образом устанавливают свое право, чтобы настаивать на присоединении нас к Фивам. Ведь если они взглянут на порядки отцов, то им надлежит не облагать других, но самим платить дань орхоменцам, ведь так было в старину; а если они считают остающимися в силе условия договора ⁷ — и это справедливо, — то как они смогут не признать, что они нарушают право и преступают условия договора? Ведь эти последние предписывают в равной мере быть автономными и малым и большим городам.

(11) Полагаю, что они не дерзнут проявлять бесстыдство в отношении всего этого, а речь обратят на то, будто мы воевали на стороне лакедемонян и что, уничтожая нас, они оказали услугу всему союзу ⁸. (12) Я же считаю, что никакая причина, никакое обвинение не должны иметь большего значения, чем клятвы и договоры. Однако если некоторым и следовало претерпеть зло за участие в союзе с лакедемонянами, то платейцы одни только из всех эллинов были несправедливо осуждены, так как мы не по доброй воле, но по принуждению оказались у них в рабстве. (13) Да и кто поверит, что мы дошли до такого безумия, чтобы поработителей нашего отечества предпочесть тем, что возвратил нам наш город? Но, думаю я, трудно было произвести переворот одним только обитателям малого города, тогда как лакедемоняне имели такую большую силу, да еще поставили у нас гармоста и ввели гарнизон, да и в Феспиях было такое большое войско ⁹, (14) что они могли бы нас погубить не только быстрее, но и с большими основаниями, чем фиванцы. Дело в том, что с установлением мира последним не следовало мстить за прошлое, а лакедемоняне, подвергшись на войне предательству, по справедливости могли бы подвергнуть нас величайшей каре. (15) Полагаю, что вам известно, что также многие из других эллинов, если и были физически вынуждены следовать за лакедемонянами, то мысленно они оставались на вашей стороне. Необходимо предвидеть, какое мнение возникнет у эллинов, если бы они услышали, что фиванцы убедили афинский народ в том, чтобы не давать пощады никому из тех, кто находился под властью лакедемонян. (16) Ведь их речь не будет содержать никакого иного смысла, кроме этого; ведь они, не выдвигая против нашего города никакого особого обвинения, погубили его, но такое же обвинение они смогут выдвинуть и против других городов. Вот об этом-то и следует совещаться, а также наблюдать за тем, чтобы люди, ранее ненавидевшие власть лакедемонян, не примирились бы с ней вследствие наглости фиванцев и не оказались бы вынужденными благодаря им искать спасение в союзе с лакедемонянами.

(17) Имейте в виду, что вы и недавнюю войну ¹⁰ предприняли не ради своего спасения и не ради свободы союзников, так как у вас все обладали ею, но ради тех, кто вопреки клятвам и договорам был лишен независимости. Однако было бы самым ужасным, если бы вы допустили, чтобы города, которые, по вашему мнению, не должны быть в рабстве у лакедемонян, были бы теперь уничтожены фиванцами; а эти последние настолько далеки от вашего милосердия (18), что нам лучше было бы претерпеть от вас даже то, что для всех является самым страшным, — завоевание, чем оказаться соседями фиванцев. Ведь захваченные вами силой оружия тотчас были освобождены и от гармоста и от порабощения и ныне пользуются свободой и участвуют в союзном совете ¹¹, а те, кто живет вблизи фиванцев, одни угнетены нисколько не менее покупных рабов, а других они не оставляют в покое.

⁷ Орхоменцы вошли в союз после битвы при Левктрах.

⁸ Второй Афинский морской союз.

⁹ Ср. Xen., Hell. V, 4, 13 сл.

¹⁰ Имеется в виду война, начавшаяся в 378 г. и длившаяся до 374 г. до н. э.

¹¹ Имеется в виду Второй Афинский морской союз.

пока не доведут их до нашего состояния. (19) И они еще обвиняют лакедемонян, что те захватили Кадмею¹² и поставили гарнизоны в городах, а сами хотя и не посылают стражей, но у одних срывают стены, а других совершенно разоряют, причем не считают это ужасным, и дошли до такого бесстыдства, что считают всех союзников обязанными заботиться об их безопасности, самих же себя они делают господами, превращая всех остальных в рабов. (20) И у кого может не вызвать ненависти алчность тех, которые домогаются власти над более слабыми, считают, что им должна принадлежать равная доля с более сильными, которые завидуют земле, данной вашему городу оропьянами¹³, а сами пускают в раздел захваченную силой чужую землю?

(21) И помимо прочих гнусностей фиванцы говорят, будто они сделали это ради общего блага союзников. Однако, поскольку здесь в Афинах имеется союзный совет и ваше государство может лучше разобрать дело, чем государство фиванцев, следовало, чтобы фиванцы явились сюда не для оправданий в уже совершенном ими, а для совещания с вами, прежде чем совершить что-либо из этого. (22) Теперь, когда они одни уже разграбили наше достояние, они являются, чтобы заставить всех союзников разделить свою дурную репутацию, от которой, если будете разумны, вы оградите себя; ибо гораздо лучше принудить их подражать вашему благочестию, чем допустить, чтобы вас убедили принять участие в незаконных этих людях, которые ничего касающегося их не воспринимают так, как остальные. (23) Я думаю, всем ясно, что разумным во время войны следует наблюдать, чтобы любым способом сохранить превосходство над врагами, а когда установится мир, почитать выше всего клятвы и договоры. (24) Фиванцы же тогда¹⁴ при всех посольствах высказывались за свободу и автономию, но с тех пор как они считают себя в безопасности, они, не заботясь обо всем остальном, осмеливаются говорить только о собственной выгоде и своей силе: (25) они заявляют, что владение фиванцами нашей землей полезно союзникам, словно они не знают, что ничто, добытое нечестно, никогда не приносило пользы и что многие, несправедливо покушаясь на чужое достояние, справедливо подвергли свое собственное величайшим опасностям.

(26) Конечно, фиванцы не смогут сказать даже того, будто они остаются верными своим союзникам и что нас по справедливости следует бояться, как бы мы, получив нашу землю, не перешли к лакедемонянам. Ведь вы припомните, что мы дважды подвергались осаде и изгнанию из-за дружбы с вами¹⁵, тогда как фиванцы часто совершали проступки против вашего города. (27) Было бы весьма большим трудом говорить об их давних предательствах. Когда началась Коринфская война именно из-за их дерзости и лакедемоняне двинулись в поход на них, то они, будучи спасены вами, не проявили за это благодарности, а после того как вы прекратили войну, они, покинув вас, вступили в союз с лакедемонянами¹⁶. (28) В то время как хиосцы, митиленцы и византийцы¹⁷ сохранили верность вам, фиванцы, населяющие такой большой город, не осмелились даже остаться нейтральными, но дошли до такой трусости и низости, что принесли клятву действовать совместно с лакедемонянами против вас, спасителей их города. За это покарали их боги, и после захвата Кадмеи они были вынуждены

¹² Захват Кадмеи в 382 г. до н. э.

¹³ Портовый город Ороп — предмет спора между беотийцами и афинянами (ср. гл. 37); с 377 г. Ороп входил в афинскую территорию, в 366 г. захвачен фиванцами.

¹⁴ Во время Коринфской войны в 395 г.; ср. Хен., *Hell.* III, 5, 7—16.

¹⁵ Во время Пелопоннесской войны (429—427 гг.).

¹⁶ Исократ объединяет в этот период и демократическую группировку Исмения (395—382 гг.), олигархическую — Леоптида, заключившего союз с лакедемонянами (382 г.), и возвращение к власти демократов в конце 379 г.

¹⁷ Союз с Хиосом в 384 г., а с Византием только с 378 г.

здесь искать себе убежища. И после этого они в наибольшей степени проявили свое вероломство, (29) так как, вновь спасенные вашей силой и возвращенные в свою страну, они без всякого промедления тотчас направили в Лакедемон послов, будучи готовы к подчинению лакедемонянам и ничего не менять из того, о чем они с ними ранее договорились. Да и нужно ли много говорить об этом? Ведь если бы лакедемоняне не потребовали, чтобы они приняли обратно изгнанников и изгнали убийц ¹⁸, то ничто бы не воспрепятствовало им вместе с обидчиками выступить в поход против вас, своих благодетелей.

(30) И вот эти люди, только что так обошедшиеся с этим городом, а в старину ставшие предателями всей Эллады, удостоены прощения за великие беззакония, совершенные ими по доброй воле, а мы, полагают они, не заслуживаем никакого прощения за наши проступки, совершенные по принуждению. Мало того, они, фиванцы-то, осмеливаются других упрекать в «лаконофильстве», они, о которых мы все знаем, что они долгое время были в услужении у лакедемонян и вели войны с большим усердием за их владычество, чем за собственное благополучие. (31) В каком из вторжений в эту страну не принимали они участия? И кого постоянно не превосходили враждебностью и неприязнью к вам? А в Декелейской войне не они ли были виновниками наибольших опустошений из всех прочих участников вторжений? И не они ли, единственные из союзников, когда вы были в бедственном положении ¹⁹, предлагали постановление — граждан вашего города обратить в рабство, а землю вашу превратить в пастбище как равнину Крисы ²⁰? (32) Так что если бы лакедемоняне придерживались мнения фиванцев, то ничто не помешало бы эллинам обратить в рабство виновников спасения всех эллинов и подвергнуть их величайшим несчастьям. Однако какое благодеяние могли бы они назвать, которое оказалось бы достаточным для устранения вражды к ним, вражды, справедливо вызванной их проступками?

(33) Таким образом, фиванцам, совершившим столько великих преступлений, нет никакой возможности оправдаться; тем же, кто захочет выступить в их защиту, остается только одно, а именно, говорить, что теперь, мол, Беотия сражается за вашу страну и если вы откажетесь от дружбы с фиванцами, то поставите союзников в невыгодное положение, так как равновесие будет сильно нарушено, если их город окажется в союзе с лакедемонянами (34). Что же касается меня, то я не считаю полезным для союзников подчинение слабых более сильным, — ведь в прошлое время мы за слабых и вели войну. Я полагаю, что и фиванцы не дойдут до такого безумия, чтобы, выйдя из союза, передать свой город лакедемонянам; и думаю я так не потому, что доверяю их правам, но потому, что они сами признают, что одно из двух для них неизбежно: либо, оставаясь на месте, умирать и терпеть последствия того, что они совершили, либо, став изгнанниками, терпеть нужду и лишиться всяких надежд. (35) И разве у них могут быть хорошие взаимоотношения с согражданами, одних из которых они убили, а других изгнали из города и расхитили их имущество. А каковы взаимоотношения с прочими беотийцами, над которыми они не только стараются несправедливо властвовать, но у одних срыли стены, а у других и землю отняли? (36) Да у них нет возможности обратиться и к вашему городу, который они так явно и постоянно предавали. Однако невозможно допустить, чтобы они захотели, рассорившись с вами из-за чужой земли, так необдуманно и явно лишиться своего города; наоборот, они будут тем умереннее вести все

¹⁸ Имеется в виду убийство беотархов Пелопидом.

¹⁹ В 404 г. до н. э.

²⁰ Предложение фиванцев (и коринфян) о разрушении Афин. Ср. Xen., *Hell.* II, 2, 19 сл.; Plut., *Lys.* 15; о Крисе — Aesch., *Ctesiph.* 107 сл.

переговоры и засвидетельствуют вам тем большую почтительность, чем сильнее они будут опасаться за свою участь. (37) Как должно обращаться с людьми таких нравов, они показали вам своим поведением в отношении Оропа. Покуда они надеялись на полную возможность делать все, что они пожелают, они обращались с вами не как с союзниками, но осмелились вести себя с вами как с злейшими врагами, но после того как вы приняли постановление, объявлявшее их исключенными из договора, они, оставив высокомерие, прибыли к вам приниженными более, чем сейчас мы. (38) Так что если некоторые ораторы запугивают вас, будто существует опасность, как бы они не переменили своих намерений и не перешли к неприятелям, то этому верить не следует, так как их постигли такие трудности, что они скорее готовы терпеть вашу власть, чем союз с лакедемонянами.

(39) Итак, если бы они даже намеревались во всем поступить наоборот, я полагаю, что вам не следует вести переговоры, больше считаясь с фиванским государством, чем с клятвами и договорами. Во-первых, вам следует по отцовским заветам бояться не опасности, но дурной славы и позора, затем того, что в войнах, случается, верх одерживают не люди, покоряющие силой города, но те, кто управляет делами Эллады с большим благочестием и кротостью. (40) И это можно показать на ряде примеров. Кто не знает событий нашего времени, а именно, что лакедемоняне уничтожили вашу мощь, которая считалась неодолимой, обладая первоначально малыми средствами для войны на море, но благодаря доброй славе они привлекали эллинов на свою сторону? И разве вы, в свою очередь, снова не отняли у них власть, выступив при этом из города, лишеного стен²¹ и находившегося в тяжелом положении, но имея своим союзником справедливость? (41) А что царь персов не был виновником этих перемен, это ясно показали события последнего времени. Ведь тогда он не принимал участия в этих делах, хотя ваше положение было безнадежным и почти все города находились в подчинении у лакедемонян; и тем не менее вы настолько их превзошли в военных действиях, что они с радостью узнали о заключении мира²².

(42) Пусть никто из вас не страшится опасностей, действуя в защиту права, и пусть не думает, что не будет у него союзников, если вы пожелаете помогать обиженным, а не одним только фиванцам. Если теперь вы против них вынесете постановление, то побудите многих желать вашей дружбы. (43) Ведь если вы, подобно всем, выкажете готовность воевать за договоры, то кто окажется столь безумным, чтобы предпочесть быть с поработителями, а не с вами, сражающимися за его свободу? А если нет, то что скажете вы, если возобновится война, и чем сможете привлечь эллинов на свою сторону, если теперь, прикрываясь лозунгом автономии, вы разрешите фиванцам разорять любой из городов, который они пожелают. (44) Не окажется ли, что вы противоречите сами себе, если, с одной стороны, не будете препятствовать фиванцам нарушать клятвы и договоры, а с другой, — делать вид, что именно из-за этого самого вы и воюете с лакедемонянами? И как вы, отказавшись от собственных владений²³, желая расширить территорию союза возможно больше, позволяете фиванцам владеть чужими землями и совершать такое, за что все будут вас считать худшими, чем вы есть? (45) Но самое ужасное, если вы приняли твердое решение оказывать помощь постоянным союзникам лакедемонян, если даже последние станут им пред-

²¹ В 404 г. после поражения Афин в Пелопоннесской войне Длинные стены, соединявшие город с Пиреем, и укрепления Пирея были разрушены. Исократ здесь явно преувеличивает, поскольку стены города сохранились.

²² Исократ преувеличивает роль Афин в Коринфской войне.

²³ В действительности речь идет о запрещении афинянам владеть недвижимостью на территории союзников и обязательстве не выводить клерухов. Ср. IG, II, 17 А, сткк. 25—46.

писывать что-либо противное договору. А между тем мы большую часть времени оставались на вашей стороне и только в последнюю войну были вынуждены находиться на стороне лакедемонян; так неужели под этим предлогом вы покинете нас, народ, находящийся в самом бедственном положении. (46) И кто может оказаться теперь несчастнее нас: ведь мы, в один день лишившись и города, и земли, и всего достояния, терпя полную нужду во всем необходимым, стали бродягами и нищими, не знающими, куда нам обратиться, и всякое место жительства нам несносно? Если мы встречаем других несчастных и сближаемся с ними, то мы вынуждены страдать не только от своих бед, но и от чужих; (47) а если мы приходим к счастливым, нам становится еще тяжелее и не потому, что мы завидуем их благосостоянию, а потому, что благоденствие соседей заставляет нас яснее видеть наши бедствия, из-за которых не проходит дня без слез, ибо все время мы скорбим об отечестве и оплакиваем превратности судьбы. (48) Подумайте, какие чувства владеют нами, когда мы видим, что наши родители довольствуются пищей, не соответствующей их старости, а дети воспитываются без надежд на будущее, на которое мы полагались; многие из-за мелких долгов доходят до рабства, а другие ходят на поденщину, иные по мере возможности добывают себе ежедневное пропитание способом, недостойным деяний предков, их возраста и нашей гордости? (49) А всего печальнее, когда приходится видеть, что разлучаются не только граждане друг с другом, но и жены с мужьями, и дочери с матерями и все родственные связи разрушаются; вот что случилось со многими из наших граждан из-за бедности, так как гибель общих средств для жизни привела к тому, что каждый из нас стал строить только свои личные планы. (50) Полагаю, что вам безызвестны и прочие постыдные явления, вызванные бедностью и изгнанием. Мы их переживаем тяжелее прочего, но в речи умолчали о них, стыдясь слишком подробно перечислять наши беды.

(51) Мы хотим, чтобы вы обдумали все это и проявили некоторую заботу о нас. Ведь мы вам, к тому же, не чужие, но все мы связаны с вами взаимным расположением, большинство из нас и родством: ибо вследствие брачных союзов²⁴ мы происходим от ваших гражданок. Поэтому вам нельзя пренебречь тем, о чем мы пришли просить вас. (52) Самым ужасным было бы, если бы, уже однажды разделив с нами ваше отечество, вы теперь не приняли бы решения о возвращении нам нашего. Ведь недоспустимо, чтобы один-единственный человек, попавший несправедливо в беду, находил сожаление, а целый город, так противозаконно уничтоженный, не смог бы вызвать некоторого сострадания, особенно потому, что он искал убежища у вас, которым и ранее не постыдно и не бесславно случалось быть сострадательными к просящим. (53) Когда к вашим предкам пришли аргивяне с просьбой предать земле павших под Кадмеей, то они убедили их принудить фиванцев принять более законное решение. Этим ваши предки не только сами прославились в те времена, но оставили вашему городу вечную славу на все времена, нарушить которую было бы недостойно. Ведь стыдно кичиться деяниями предков и поступать явно наоборот в отношении просящих. (54) Однако мы пришли просить вас о гораздо более важном и справедливом деле. Ведь аргивяне обратились к вам с просьбой, напад на чужую страну, а мы — утратив нашу собственную страну; они просили о выдаче покойников, а мы — о спасении оставшихся в живых. (55) Не равной и не одинаковой является беда — павших лишить погребения или у живых отнять отечество и все прочие блага. Первое является более постыдным для препятствующих, чем для попавших в беду, а не иметь никакого пристанища, быть

²⁴ После разрушения Платей в 427 г. платейские изгнанники получили в Афинах (с некоторыми ограничениями) гражданские права; Исократ упоминает здесь только эпитамию, поскольку это право, начиная с 387 г., особенно интересовало платейцев.

гражданином без отечества, претерпевать ежедневно беды, взирать на своих близких, не имея возможности им помочь, разве можно сравнивать, насколько все это превосходит все прочие несчастья?

(56) Вот из-за этого мы просим всех вас вернуть нам нашу страну и наш город. Старцам мы напоминаем, как тяжело видеть в несчастьи этих престарелых людей, терпящих нужду в самом необходимом; а более молодых умоляем и просим помочь сверстникам и не допустить, чтобы они терпели еще большие бед, чем те, о которых я только что говорил. (57) Вы единственные из эллинов обязаны нам помочь, защитить нас, ставших изгнанниками. Наши предки утверждают, что когда ваши отцы во время войны с персами оставили эту страну, то они единственные из эллинов, живущие за пределами Пелопоннеса, совместно с ними переносили опасности и помогли им спасти их город; поэтому по справедливости и мы можем получить такое же благодеяние, какое ранее они оказали вам. (58) Если даже вы решили не заботиться о нас лично, то тем не менее вам нельзя терпеть опустошенной земли, на которой находятся величайшие памятники доблести вашей и ваших союзников. (59) Другие трофеи означают победу одного только города над другим, а эти памятники воздвигнуты всей Элладой, победившей вооруженные силы всей Азии. Но фиванцы охотно их уничтожают, ибо памятники событий того времени служат позором для них; вам же подобает их охранять, так как эти подвиги сделали вас гегемонами эллинов. (60) Подобает также помнить о богах и героях, владеющих этой местностью, и не допустить прекращения их культов; ведь от них при жертвоприношениях получили вы счастливые предзнаменования²⁵ перед тем опасным сражением, которое дало свободу и фиванцам и всем прочим эллинам. Следует также проявить известное почтение к предкам и не пренебрегать благочестием, которое им подобает. (61) Как бы предки отнеслись к этому — в случае, если там существует какое-то понимание того, что происходит в этом мире²⁶, — если бы они узнали, что хотя вы и у власти, но те, кто предпочел быть прислужником у варваров, теперь стали владыками остальных, а мы, сражавшиеся вместе с другими за свободу, единственные из эллинов являемся изгнанниками; как бы они отнеслись к тому, что могилы сражавшихся вместе с вами лишены всего предусмотренного обычаем из-за отсутствия людей, которые бы приносили жертвы, и что фиванцы, тогда стоявшие на стороне врагов, владеют этой землей. (62) Обратите внимание и на то, что вы предъявляете лакедемонянам самое тяжкое обвинение в том, что они в угоду фиванцам, этим предателям эллинов, нас, благодетелей ваших, погубили. Не допустите же и вашему городу испытать такое же поношение и не променяйте на заносчивость фиванцев присущую вам добрую славу.

(63) Хотя еще много следует сказать, что могло бы побудить вас проявить больше забот о нашем спасении, я не могу охватить всего [в этой речи], а вам самим следует осознать все опущенное мною и более всего помнить о клятвах и договорах, а также о нашем расположении к вам и их враждебности, и тогда вынести по отношению к нам справедливое решение.

²⁵ Ср. Нер., IX, 33.

²⁶ Ср. тоже Egin. 42; Evag. 2; Лус., С. Леог. 136; Нурег., Ор. fun. 43

(Продолжение следует)

К 70-летию АРИСТИДА ИВАНОВИЧА ДОВАТУРА

Сектор древней истории Института истории АН СССР, группа древней истории Ленинградского отделения Института истории АН СССР и редколлегия журнала «Вестник древней истории» горячо поздравляют дорогого Аристида Ивановича Доватура со славным юбилеем и желают ему от всего сердца доброго здоровья, неиссякаемой энергии и творческих успехов на поприще его научно-исследовательской и педагогической деятельности.

Имя Аристида Ивановича Доватура пользуется широкой и заслуженной известностью как имя автора целого ряда выдающихся исследований по классической филологии и истории, обладающего редкой способностью сказать новое слово по таким, казалось бы, досконально изученным вопросам, как вопросы, связанные с творчеством Геродота, Аристотеля и Цезаря.

Широчайшая эрудиция, исключительные знания в области древних языков позволяют ему проводить тонкий и глубокий анализ источников, сочетающийся с глубоко продуманной и всегда убедительной аргументацией.

Еще раз желаем Аристиду Ивановичу новых успехов на его творческом пути, новых работ и достижений.

*Сектор древней истории Института истории АН СССР
Группа древней истории Ленинградского отделения Института истории
АН СССР*

Редколлегия журнала «Вестник древней истории»

К 60-летию КАЗИМЕЖА КУМАНЕЦКОГО

Дорогой глубокоуважаемый коллега!

Редакция «Вестника древней истории», сектор древней истории Института истории Академии наук СССР сердечно поздравляют Вас с юбилеем. Мы рады приветствовать в Вашем лице одного из крупнейших знатоков и пропагандистов античности, настоящего хранителя и продолжателя традиций гуманистической образованности.

Ваша исследовательская работа не замыкается в тесном кругу узких вопросов, она опирается на знание — столь же глубокое, сколь и широкое — античной культуры во всем ее объеме. Вы умеете не только разобраться в хитросплетениях стихотворения Горация или речи Цицерона, но и изложить результаты Ваших изысканий с подобающим литературным блеском. Образцовый литературоведческий разбор памятников политического красноречия Вы сочетаете с подлинным историческим чутьем, с ясным пониманием сложной политической жизни изучаемых Вами эпох.

Посвятив себя углубленному изучению времен далеких, Вы всецело принадлежите нашему времени. Ваши труды всегда современны и по идеям, и по подходу, и по подбору материала, а, главное, работу свою Вы адресуете не только ограниченному числу коллег, но всей читающей публике, которую Вы приобщаете к пониманию античной, и тем самым нашей сегодняшней культуры. Вы ведете большую организаторскую работу в науке. Будучи членом компета «Эйрене», Вы много делаете для укрепления связей между учеными социалистических стран.

Мы знаем Вас полным бодрости и жизненных сил и, поздравляя со знаменательной датой, можем с уверенностью сказать, что ждем от Вас новых больших и значительных трудов.

*Редакционная коллегия «Вестника древней истории»
Сектор древней истории Института истории АН СССР*